

Неподалеку Шэнь Фань, держа в руках нефритовую чарку и разливая вино, случайно взглянул в ту сторону. Заметив происходящее, он вдруг изогнул губы в усмешке, и в его взгляде на мгновение промелькнула холодная острота, которая, впрочем, тут же растаяла. Он повернулся к прислужнику, ожидавшему неподалеку:

— У вас такой огромный Цзуйсянге, а вам всё равно приходится просить гостей приводить своих красавиц? Вы вообще собираетесь вести дела или нет? Неужели нет ничего посвежее?

Поймав взгляд Шэнь Фаня, прислужник быстро смекнул, в чем дело, вспомнив недавние слухи, гулявшие по городу, и с поклоном ответил:

— Господин Шэнь, прошу, не гневайтесь. Я сейчас же всё заменю.

— Какую еще дурь вздумал творить этот второй молодой господин Шэнь? — рассмеялся У Цзяньань, обнимавший за талию сидевшую рядом девушку. — Твой старший брат всегда отличался безупречной репутацией. То, что он вообще согласился прийти сегодня — уже огромное одолжение тебе, не стоит лишний раз дергать тигра за усы.

Шэнь Фань не успел ничего ответить, как дверь отворилась. Вернувшийся прислужник привел с собой пятерых юношей в легких одеждах. У всех были тонкие черты лица и изящные, как ивовые прутья, станы, а в их взглядах, словно в воде, пленилась томная нежность.

Шэнь Фань, казалось, вошел во вкус. Он протянул руку и притянул к себе одного из юношей, который тут же охотно забился в его объятия. При этом он не преминул обратиться к своим остолбеневшим братьям:

— В Цзуйсянге все мальчики — настоящие красавцы. Не хотите ли, братцы, попробовать что-то новенькое?

Чу Гэ, глядя на эту парочку, почувствовал, как внутри него вспыхнуло пламя. Черные волосы, черные глаза, фарфорово-белая кожа, влажные после вина алые губы, тонкая белая шея, от одного вида которой пальцы невольно начинали зудеть, желая оставить на ней яркие алые следы... В конце концов, единственным, кто приковал его взор и разбередил сердце, оказался этот самый младший братец, с которого он жаждал содрать кожу и вынуть кости.

...Интересно, если прижать этого то мрачного, то насмешливого братишку к кушетке, схватить за тонкую талию и войти в него до самого конца, будет ли он издавать такие же едва слышные, сладостные стоны, как те, что доносятся снизу?

Чу Гэ сбросил руку юноши, ластившегося к нему, и его лицо мгновенно заледенело:

— Фань-эр, если продолжишь в том же духе, перейдешь границы.

Этот вид человека, чуждого мирской суете, хранящего чистоту ради других, по-настоящему задел Шэнь Фаня. Тень, скрытая в глубине его глаз, превратилась в усмешку:

— Второй принц есть второй принц, куда уж мне, простому смертному, тягаться с вами. Раз уж вы арендовали весь этаж, то, если кому-то из братьев приглянулся кто-то из них, забирайте к себе в комнату. А если нет... уходить не возбраняется.

С этими словами он поднялся, увлекая за собой юношу, и, выбрав ближайшую спальню, толкнул дверь. Перед тем как войти, он окинул всех взглядом — насмешливым, с поволокой, необычайно притягательным...

Хлоп! Дверь закрылась.

Кто-то из присутствующих, придя в себя, пробормотал:

— Ссс... Почему только сегодня я заметил, что наш младший за эти годы стал даже соблазнительнее, чем мальчики из Цзуйсянге...

Взгляд Чу Гэ потяжелел, улыбка исчезла:

— Сянсюэ, возвращайся в поместье.

Сянсюэ в недоумении вытаращил глаза, но, увидев, что тот никак не реагирует, с досадой развернулся и ушел.

Чу Гэ прикрыл глаза на мгновение, а когда открыл их снова, они были спокойны, как гладь озера. Он даже не взглянул на оставшихся троих:

— Вы что, все еще боитесь, что я на вас донесу?

— Нет-нет, что вы!

Они принялись отнекиваться и, похватав каждый по юноше, бросились наутек.

Чу Гэ перевел взгляд на единственного оставшегося в комнате юношу. Лишь мельком взглянув на него, он нахмурился, и в его глазах промелькнуло отвращение:

— Уходи. Пусть пришлют кого-нибудь чистого.

Сказав это, он поднялся и направился в одну из свободных комнат. Закрывая за собой дверь, Чу Гэ все еще чувствовал раздражение... Прожив две жизни, он только сейчас понял, что его влечет к мужчинам, и это случилось из-за Шэнь Фаня — того самого, кто вонзил ему нож в спину.

Погасив свет, Чу Гэ лег, не раздеваясь. Не прошло и минуты, как дверь отворилась.

— Кто позволил тебе входить без спросу? — в его низком голосе слышался ледяной холод. Страсть уже улеглась, а Чу Гэ с самого начала не любил, когда чужаки приближались к нему, и теперь, зная предысторию, он был вне себя от ярости. — Не нужно прислуживать, уходи.

Однако его слова никак не повлияли на вошедшего. Дверь закрылась, комната погрузилась во тьму. Неясная фигура неспешно подошла к кушетке. Распущенные волосы коснулись щеки Чу Гэ, вызывая необъяснимый зуд в сердце. Еще до того, как этот человек заговорил, он уже знал, кто это.

Разум твердил оттолкнуть предателя, совершившего непростительный грех, но внутри, казалось, звучал голос, заглушавший всё остальное, искушая его молчаливо позволить пришельцу продолжить.

Почувствовав это молчаливое согласие, гость тихо рассмеялся — словно крошечные коготки полоснули по сердцу. Утихшие было чувства вспыхнули с новой силой, заставляя Чу Гэ сжать руки в кулаки, чтобы не схватить его и не швырнуть на кушетку.

Не спеши... Чу Гэ подавил поднимавшееся желание и посмотрел на вошедшего.

— Разве ты не говорил, что не нуждаешься в моем служении, старший брат?

В этот момент вошедший склонился над ним, и в его голосе сквозила с трудом скрываемая усмешка, от которой сердце смягчалось. Пояс на талии медленно развязался, одежды соскользнули. Чу Гэ, не в силах найти ответ в своей борьбе, просто закрыл глаза и позволил человеку опуститься на колени на кушетку...

...Когда вырвался последний долгий вздох, рука, запутавшаяся в волосах того человека, всё еще крепко его держала. Тот не сопротивлялся и не произносил ни слова, склонив голову, ничем не напоминая о своей прежней колючей дерзости. Чу Гэ вздохнул еще раз, переместил руку к его лицу и кончиками пальцев приподнял его подбородок.

В комнате было полутемно, лишь отсветы фонарей с улицы падали внутрь. Лицо, которое в его воспоминаниях заставляло его ночами ворочаться без сна и скрипеть зубами, утратило юношескую угловатость. Брови, глаза, нос, губы — казалось, величайший мастер создал их одним росчерком пера. И теперь этот человек смотрел на него с полуулыбкой, а капли белой влаги в уголках его губ придавали сцене невыразимую порочность.

— Ты...

Чу Гэ только успел вернуть на лицо улыбку, как человек, находившийся в паре дюймов, медленно проглотил то, что было во рту, и провел кончиком языка по уголкам губ.

— ... — глаза Чу Гэ мгновенно потемнели, он даже не заметил, как сжал пальцы на его

подбородке до боли.

Словно околдованный, он подался вперед, желая поцеловать его. Когда до цели оставалось лишь мгновение, тот в последний миг вывернулся и отстранился.

Чу Гэ опомнился. Человек, стоявший так близко, что он чувствовал его дыхание, рассмеялся прямо у него над ухом:

— ...Только что я хотел попробовать вкус старшего брата. Попробовал и понял, что ничего особенного, ничем не отличается от других. Так что не стоит больше обременять такого безупречного человека, как ты. В этот раз я ошибся, но думаю, старший брат не станет винить меня, так что просто забудь об этом.

Шэнь Фань уже собрался встать с кушетки, но был безжалостно прижат обратно мужчиной, который навалился на него сверху. Теперь Шэнь Фань оказался внизу. Глаза Чу Гэ налились кровью, а голос звучал пугающе:

— Ты делал это с кем-то еще?

Даже ноющая от боли спина не помешала Шэнь Фаню улыбнуться:

— А что, если да, старший брат?

— Ты же знаешь, я терпеть не могу вещи, к которым прикасались другие.

Голос Чу Гэ был холодным, как лед. Шэнь Фань рассмеялся еще залиvistее:

— Старший брат, ты слишком серьезен. Если я тебе противен, просто выбрось меня прочь, не пачкай безупречную репутацию императорской семьи Да-Чу. Ну как?

Рука, прижимавшая Шэнь Фаня, сжалась в кулак. Чу Гэ изо всех сил подавлял свои чувства:

— ...Пока я тебя не прибил, — вон отсюда.

Шэнь Фань ничуть не испугался и не рассердился. Он улыбнулся, выскользнул из-под него, лениво взглянул на невидимую шкалу прогресса, опустившуюся до 75%, беззвучно усмехнулся и, выпрямившись, направился к выходу.

...Истинный мазохист.

Оставив за спиной тяжелую тишину, Шэнь Фань вытер большим пальцем уголок рта и улыбнулся. Он шел неспешным шагом, перебирая пальцами в рукаве:

— ...Янь Хуайцзинь, в этой жизни твоя выдержка стала куда хуже.

Когда Шэнь Фань вернулся в поместье генерала, было уже темно. Слуга, вышедший его встречать, сказал, что старший брат ждет его в комнате уже целый час, и спросил, пойдет ли он туда.

Войдя в поместье, он оказался под прицелом глаз тех людей, и прятаться было бесполезно. Шэнь Фань, обладавший взглядом стороннего наблюдателя, прекрасно это понимал. В хорошем настроении он отмахнулся от слуги и направился к своей спальне, на ходу обдумывая план.

Вместо того чтобы постучать, он толкнул дверь. На его лице отразилось негодование, которое ровно в тот миг, когда сидевший внутри человек обернулся, сменилось подходящей долей изумления:

— Старший брат?

Шэнь Чжи, прождавший больше часа, уже начал терять терпение, но, увидев удивление Шэнь Фаня, почувствовал облегчение. Он тут же нацепил на лицо маску доброго старшего брата:

— Фань-эр, что случилось?

Один и тот же «старший брат», одно и то же «Фань-эр» — но из уст разных людей это звучало для Шэнь Фаня совершенно иначе. По крайней мере, сейчас его едва не стошнило, но эта эмоция как нельзя лучше подходила для его игры.

Шэнь Фань выхватил из рукава кусок мягкого нефрита и с силой швырнул его на пол:

— Этот второй принц, Чу Гэ! Сегодня он осмелился воспользоваться тем, что был пьян, и...

Выражение лица, полное стыда, и оборванная фраза отлично передали суть. По крайней мере, Шэнь Фань увидел, как изменилось лицо Шэнь Чжи, который до этого сидел с невозмутимым видом.

Будучи человеком, который еще вчера испытывал к Шэнь Фаню животные инстинкты, Шэнь Чжи моментально всё понял. В сочетании с мастерской игрой Шэнь Фаня, Шэнь Чжи не почувствовал никакой странной «связи» между собой и вторым принцем, в нем вскипел лишь гнев:

— Что? Он посмел проявить к тебе неуважение?!

Его, человека из поместья Шэнь, его младшего брата, никто не смел трогать, тем более Чу Гэ!

Шэнь Фань скрипнул зубами:

— Старший брат, я больше никогда не буду называть этого второго принца братом! Он хуже зверя! Он посмел так со мной поступить, однажды я заставлю его пожалеть об этом!

Шэнь Чжи еще не до конца потерял рассудок из-за своих низменных желаний. Видя, что первоначальный план — преданность Шэнь Фаня второму принцу — рушится, он поспешил вмешаться:

— Фань-эр, может, ты ошибся? Второй принц не такой человек, может, он просто был пьян?

— Не может быть! — Шэнь Фань покачал головой, в его глазах смешались гнев и сомнение, он невольно прикусил губу. — Он... он отчетливо выкрикивал мое имя...

Сказав это, он с досадой опустил голову, а через мгновение поднял взгляд на Шэнь Чжи, полный слез:

— Старший брат, мне сегодня было так страшно...

Шэнь Чжи мог поклясться — за всю свою жизнь он впервые видел, чтобы его младший брат выглядел так. Он никогда не замечал, что у него такая привлекательная внешность. Если бы это он увидел его таким сегодня вечером, да еще подкрепившись парой чарок вина, он бы, пожалуй, тоже не сдержался.

Конечно, Шэнь Чжи не стал этого говорить. Он встал, собираясь утешить Шэнь Фаня, но тот инстинктивно отпрянул.

Его растерянность, несмотря на то что он был уже взрослым мужчиной, выглядела в глазах Шэнь Чжи до жалости трогательной:

— Старший брат, прости... Я сегодня правда очень напуган... Можно я пойду отдохну? Я устал... Обо всем остальном поговорим завтра, хорошо?

Шэнь Чжи подумал, что если сейчас скажет «нет», то будет последним подонком. Он кивнул, несколько раз ласково посмотрел на него и вышел. По пути он размышлял: завтра можно отправиться во дворец и обсудить всё с первым принцем. То, что его младший брат перешел на их сторону — неплохо. Заслать шпиона к второму принцу, глядишь, и самому удастся что-то урвать... почему бы и нет?

Шэнь Чжи ушел в приподнятом настроении, а Шэнь Фань, оставшись один в спальне, мгновенно сбросил маску. Осталась лишь легкая усмешка и тихий шепот:

— ...Такое актерское мастерство стоит всего 5%... Предвзятый мазохист и недалекий старший братец, как жаль, что в поместье Шэнь такая отличная сцена пропадает зря...

В другой части столицы, когда карета Чу Гэ вернулась в его поместье, луна уже поднялась в зенит.

Чу Гэ сидел в карете, прикрыв глаза. Брови его были слегка нахмурены, но он никак не мог выбросить из головы образ человека, который не давал ему покоя всю ночь. С того момента,

как тот вырвался из его объятий, он начал жалеть. В сердце словно образовалась пустота, которую ничем не заполнить, и какое-то чувство требовало немедленно приказать силой вернуть его из поместья генерала...

...Он никогда еще не терял над собой такого контроля. Если бы не старый лекарь, который проверил его еду, благовония и состояние здоровья, не найдя никаких отклонений, он бы решил, что его отравили или наложили заклятие.

— Ваше Высочество, сразу в спальню?

Карета остановилась, снаружи кто-то склонился в поклоне.

— В боковую гостиную. Позови Линь Кана.

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

— То, что я тебе поручил, как продвигается?

В боковой гостиной, наполненной ароматом чая, Чу Гэ вертел в руках маленькую песчаную чашечку.

— Отвечаю Вашему Высочеству, всё готово, — человек в черном, стоявший за столом из красного дерева, почтительно склонил голову. — Но...

Чу Гэ поднял взгляд, мельком взглянул на него и снова опустил глаза:

— В чем дело?

Линь Кан поклонился:

— Прошу прощения за глупость, но я не понимаю: раз Вы не претендуете на трон, зачем связываться в эту грязную игру? Тем более, с Вашими военными заслугами и влиянием, даже если бы Вы решили бороться, никто не посмел бы вмешаться. Зачем тратить силы на то, чтобы прокладывать путь четвертому принцу?

— Не претендую... — Чу Гэ внезапно рассмеялся. — Чтобы не претендовать, тоже нужна сила. В этом дворе только ты знаешь, что у меня есть военные заслуги? Или ты правда думаешь, что первый принц питает ко мне братские чувства? — Он сделал паузу, его взгляд устремился в темноту за окном. — Я хотел уйти в сторону, но кое-кто не дает мне этого шанса...

Разве в прошлой жизни он не был таким же наивным? Он думал, что обозначил свою позицию и даже уехал из столицы, чтобы показать, что не участвует в борьбе за престол. Но мир полон подлецов и продажных чиновников. Как мог его старший брат позволить ему спокойно жить на

границе с его славой? Те преследования, те ложные обвинения... Первый принц не отпустил его, даже взойдя на трон, и загнал в угол, не оставив места в этом мире.

Эта жизнь — его шанс исправить ошибки. Если Небо несправедливо, он сам изменит это Небо!

Что касается поместья генерала... Лицо Чу Гэ слегка изменилось:

— После того как эта история всплывет, во дворце не избежать потрясений. Близится конец года, будет много визитов. Передай все дела управляющему Ци, пусть люди из поместья четвертого принца не высовываются. Пока всё не утихнет, говорите всем, что я заболел из-за долгих лет службы на границе. Любого гостя, кто бы он ни был, разворачивайте... Понял?

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

— И еще три вещи, — Чу Гэ опустил взгляд, его сильные пальцы сжались, и тонкая песчаная чашка в его руке разлетелась вдребезги. — После того как всё утихнет, пригласи тех четверых в мое поместье. Завтра отправь людей разузнать об одном человеке по имени Янь Хуайцзинь. И последнее...

Здесь Чу Гэ замялся, что вызвало у Линь Кана изумление. Но следующие слова чуть не заставили его упасть:

— Найди мне несколько чистых юношей и приведи в поместье... Возраст — около двадцати лет, длинные волосы, тонкие черты лица, кожа...

Чу Гэ нахмурился, отбросил осколки и, казалось, остался недоволен:

— Ищи их по образу второго молодого господина из поместья генерала.

Линь Кан долго не мог подобрать челюсть с пола, прежде чем ответить дрожащим голосом:

— ...Слушаюсь, Ваше Высочество.

Спустя месяц, поместье второго принца.

— Брат Цзяньань, поздравляю.

Войдя в комнату, Шэнь Фань отвесил глубокий поклон:

— Хотя отец и держал меня в поместье под замком целый месяц, я всё же слышал, что твоего отца повысили до должности министра двора!

— О, нашего второго молодого господина Шэнь снова заперли в кладовке? — У Цзяньань рассмеялся. — Не поздравляй только меня. После сегодняшнего утреннего доклада, здесь сию

не я один, чьи старшие родственники получили повышение, верно, брат Юэ Ци?

Мужчина в синем халате, который до этого весело попивал вино, услышав, что его втянули в разговор, замахал руками:

— Нет-нет, повышение получил только мой дядя, а не отец, стыдно, стыдно...

— Хватит вам, не притворяйтесь. Недавно во дворце произошло столько событий. Сначала у бывшего министра двора нашли огромную недостачу в налогах областей Суйчжоу и Ичжоу, а потом потянулась цепочка, которая привела к бывшему секретарю. Далисы начало расследование и обнаружило, что тот покрывал преступления своего сына и подкупал чиновников министерства наказаний, чтобы обмануть императора... Это дело погубило нескольких старых министров, и теперь только ваши семьи в выигрыше. Не стоит слишком задаваться, а то навлечете на себя беду. Нарветесь на неприятности — мало не покажется.

Гун Юйжань в белом халате, не выдержав, принялся отчитывать их.

Секретарь и министр двора были правой и левой рукой первого принца, и было очевидно, о ком шла речь. Оба поняли, что Гун Юйжань говорит это из добрых побуждений, и притихли. Зато Шэнь Фань, улыбнувшись Чу Гэ, который с самого его прихода не проронил ни слова, звонко произнес:

— Да что вы, пока с нами старший брат, кто посмеет вас тронуть?

Пальцы Чу Гэ, сжимавшие чашку, слегка дрогнули. Он поднял глаза на Шэнь Фаня, который стоял у заснеженного окна в черном халате и улыбался ему:

— ...Троих?

— ... — Шэнь Фань не ожидал, что Чу Гэ выделит это слово, но улыбка лишь на миг застыла, а затем вернулась в норму. Он, не отводя взгляда, подошел к нему, закрыл за собой дверь и, улыбаясь, склонился так, чтобы оказаться на одном уровне с сидящим Чу Гэ. — Что-то не так, старший брат?

Гун Юйжань, наблюдавший за ними, едва заметно изменился в лице. Он хотел что-то сказать, но услышал, как У Цзяньань рассмеялся:

— Второй господин Шэнь, что ты такое говоришь — у старшего брата не трое братьев, ты себя забыл посчитать!

— ...Да, старший брат, безусловно, обладает большими талантами, — Шэнь Фань легко развернулся и сел рядом с Чу Гэ. Неизвестно когда он перехватил его чашку и поднес к своим губам. — Старший брат вернулся в столицу всего несколько дней назад, а здесь уже начались такие перемены. Ты защитишь нас троих, ошибок точно не будет — так ведь, старший брат?

<http://bllate.org/book/21680/2236409>